

Стоя среди знакомого ему с самого детства двора, юноша недоумённо оглядывался. Хмуро он посмотрел и на ночное безлунное небо без всяких звёзд. Ни один уличный фонарь не работал, ни из одного окна не выбивался наружу свет, а в округе правила мёртвая тишина.

Здесь было слышно лишь его дыхание и шум крови, что прилила к ушам. Никите было не по себе. Он не понимал, почему его зрение и слух вернулись к норме. В мышцах тоже не ощущалось привычной безмерной мощи. Мысли расплывались, но даже так он понимал, что что-то не так.

Хмуро оглядев деревья, на чьих ветвях не колыхался ни единый зелёный листик, он снова вернул свой взгляд к панельному дому. Глазами всмотрелся в своё окно и широко распахнул их, когда увидел за стеклом тёмный силуэт.

Источников какого-либо освещения здесь не было, но всё вокруг сохраняло один и тот же вид, не отличаясь по своей яркости вообще. Всё здесь, даже тёплые цвета, было одинаково мрачно и угнетающе.

Чающаяся гарью и копотью дымная чёрная морда каким-то невиданным образом смотрела на Хоноровского крайне цепко, внимательно. Так же, как орёл смотрел бы на полёвку. Безумный орёл, главной целью которого являлось бы не пропитание, а желание замучить бедного грызуна так, что тот даже ни одной мышцей дёрнуть не сможет, но будет всё ещё жив.

Парень некоторое время смотрел на это ужасающее лицо с шоком. То улыбалось, но не скалилось. Его «губ», по идее, невозможно было различить или увидеть, но подросток прекрасно видел, как те по дуге пересекали расстояние от одной «щеки» до другой. Как идеальный серп. В особенности пугали «глаза» на выкате, которыми оно, не отвлекаясь вообще ни на что, прищипливало свою жертву.

Совсем не зверь, не просто чудовище, а погань, что находилась за всякими гранями и представлениями. Неприемлемое нечто. Увидь что-то подобное человек наяву и мог бы обезуметь.

Оно подняло свой «палец», а затем резко-резко застучало по стеклу, как какой-нибудь отбойный молоток. При этом дымный лик монстра оставался недвижим. Окно не билось, с героизмом выдерживая подобный натиск... Нет, это было «просто» приглашение, вовсе не попытка прорваться наружу.

У продолжавшего шокировано смотреть на эту фантазмагорическую сцену парня сузились зрачки. Он медленно закрыл приоткрытый рот, а затем совершенно неожиданно насмешливо ухмыльнулся. Его очи были полны ехидства.

- Я понял, кто ты, сука. - Обращаясь к неведомой образине, спокойно, без всякого крика, заговорил нелюдь.

Верно, он и сам не человек. А это - всего-то жалкий сон. Или же не совсем... Впрочем, в силу некоторых обстоятельств это не имело никакого значения.

Мрачная фигура, что без остановки стекалась копотью и гарью сама в себя, остановила свои безумные действия, однако «физиономия» её ни капельки не изменилась. Оно ожидало.

- Думаешь, что я тебя боюсь, гнида? Ха-ха! - Никита хохотнул в холодной ярости. - Жди меня в моём же доме, мразь! Не смей никуда уходить.

Да, он отлично понял, что это далеко не обычный кошмар. Первый уверенный шаг заставил тьму сгуститься за спиной юноши, но тот не стал останавливаться, оборачиваться или ускоряться в истерическом порыве. Теперь он по-настоящему осознал, кем является. Окончательно смирился.

С каждым его твёрдым и звучным, хорошо поставленным шагом сила вновь возвращалась к нему. Пять чувств венца эволюции достигли своего нынешнего пика, каждая частичка тела наполнилась знакомой мощью. Верно, это всего лишь сон. ЕГО сон!

Никто не имеет права что-либо решать здесь, кроме Хоноровского. Не в силу отсутствия таковой возможности, а только потому, что разум мальчишки, его фантазии, мечты и переживания – его же угодья! А каждый, кто попытается это сделать, должен быть жестоко наказан...

Каждая преодолённая крашенная ступенька подъезда осыпалась пылью за ним, а перила гнулись, ржавели и разваливались, будто попали в какую-то кислоту, прежде чем кануть в бескрайнюю бездну.

Ни страшный мрак, ни знакомые образы места, где он родился и провёл всю свою сознательную жизнь, не были способны остановить его. Он отрёкся от этой цели, отказался от намеченного пути, потому как в конце его ждал лишь тупик. Более он на этом не заикливался.

Подобные жалкие попытки надавить на него заставляли только расти его злобу, но злобу не лютую и бесконтрольную, а невероятно рациональную и жестокую. Самую опасную.

Когда подросток достиг родной железной двери, то за его спиной не было уже ничего. Даже выше он подняться не мог. Всё сводилось к входу в их с маминной квартиру. Он бережно взялся за потёртую дверную ручку, ожидая и зная внутренне, что здесь будет открыто.

И он вошёл.

Подняв насмешливый взгляд на парящее в воздухе чёрное дымное нечто, он потянул руку к кабелю с переключателем и, нажав на него, зажёл в прихожей свет. Свой свет. Он захотел, и, значит, здесь будет светло.

Чудище никак не отреагировало на это, продолжая разглядывать его внимательно и даже, в некоторой степени, любопытно.

- Ты, уродец, когда заменил образ той твари в моих кошмарах? – Нарочито спокойным тоном спросил парень. – Как и в какой момент это произошло?

- ... – Монстр заунывно молчал. – Не боишься-я?

Оно шипело, в его тоне ползали муки и чужие страдания. Во все стороны летели и вились бесконечно малые и столь же неопределимо огромные пульсирующие искры человеческой агонии. На безграничное множество порядков ничтожнее было это нечто, чем настоящий джинн. Лишь лживая иллюзия всемогущества, за которой скрывается вполне себе обозримая и имеющая определённый конец сила. Совершенно точно оно не собиралось отвечать на какие-либо конкретные вопросы.

- Ты - не тот, за кого себя выдаёшь. - Улыбаясь, констатировал венец эволюции. - Какой смысл мне бояться таракана, вроде тебя? Ты же всё прекрасно понял - «мамой» или другими дешёвыми трюками шугать меня не пробуешь. Знаешь, что не куплюсь. Лишь обычных беспомощных людей ты и способен запугивать... Тот священник ведь из-за тебя с седой прядью вернулся к своей карете.

Идеальный симбиоз остановился, ожидая ответа. Он вызывающе улыбался, вообще не подавая никаких признаков страха.

Через несколько субъективных секунд тяжёлого молчания дым и гарь в области головы чудища странным образом начали кружиться и «углубляться», по итогу изобразив из себя хорошо знакомое Никите лицо: ровные и волевые, идеальные черты лица, наглая ухмылка, а также лёгкая хмурость, выдаваемая одними лишь бровями. Это был он сам.

- Видишь себя? - Требовательным и суровым мужским басом умудрённого воина проговорило оно.

- Знаю, что красивый. - Вопросительно приподняв бровь, провокационно заявил Хоноровский. - Ну, давай, удиви меня, клоп.

- Это не ты, коли так решил. - Писклявый шутовской голосок придворного паяца донёсся из неподвижных украденных уст.

- Ну а кто тогда? - Подыграв, спросил нелюдь.

- Твоё чучело, мальчик! - Миленький и добрый голосок случайной девочки совсем не сочетался с тем, что произносила образина: - Я набью его из твоего трупа и буду показывать всем, с кем ты только знаком! Буду вилять им перед их носами, как ты когда-то - дохлым сбитым воробьём перед дворовой жучкой!

- А ты попробуй, балабол. - С лица парня пропали всякие следы показного благодушия.

Аккурат этим словам он попытался схватить жуть безумно быстрым выпадом, но она будто бы «протекла» меж его пальцев и отдалилась, трепеща.

- Я гряду. - Суровый глас гордого правителя прокатился по помещению, как беспощадный приговор.

Никита не успел ничего ответить, распахнув глаза на кровати, что стояла в его храме. Лёжа на спине, он сверлил потолок недобрым взглядом ещё несколько секунд, прежде чем бросить в пустоту:

- С нетерпением жду, ублюдох...

<http://tl.rulate.ru/book/68234/2686434>